ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк двадцать пятый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

КАВАЛЕРИСТЫ (продолжение)

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ ШВЕДЕР (1870 – 1918)

Эдуард Павел Михаил Николаевич фон Шведер окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге и 7 августа 1893 года в чине корнета был направлен для прохождения службы в 30-й Драгунский Ингерманландский Великого Герцога Саксен-Веймарского полка, квартировавшего в городе Чугуеве Харьковской губернии. Но в этом полку Шведер пробыл недолго. Уже 2 февраля 1894 года Шведера прикомандировали к Кирасирскому полку в Гатчине.

С этого времени Эдуард Николаевич стал жителем нашего города. Было непросто определить место его жительства, т. к. адресная книга 1896 года указывала, например, на проживание в Гатчине сразу двух Шредеров: по Багговутовской улице, 3 в доме Красавина, числился Михаил Николаевич Шведер, а в Кирасирском полку Гатчины – подпоручик Эдуард Павел Михаил Николаевич Шведер. Как вы, наверное, догадались, речь шла об одном и том же человеке. А в перечислении его сразу в двух местах

виновата извечная путаница с немецкими именами, которых у представителей этой национальности было, как правило, несколько, а писаться они могли в произвольной последовательности.

В 1898 году поручик Шведер жил на Багговутовской, 55, в доме Иванова. В этом же доме жили его сослуживцы по полку: поручик Николай Феодосиевич Селивачёв и корнет Василий Александрович Вишняков.

Уже будучи в Гатчине, Шведер окончил Офицерскую кавалерийскую школу и вскоре стал начальником полковой Учебной команды, командиром эскадрона Её Величества.

Как большинство офицеров полка, Шведер был заядлым спортсменом-конником, не раз принимал участие в соревнованиях как в России, так и за рубежом. В Михайловском манеже Петербурга он скакал на кобыле «Искра», конного завода Немцевича, и на кобыле «Нелли Нель», выводной.

Вот что пишет сослуживец Шведера по полку, М.М. Плешков, сам замечательный ездок, в книге «Мои воспоминания». Книга издана в 1959 году в Мюнхене Объединением Кирасир Её Величества.

«В 1912 году должны были состояться Олимпийские игры в Стокгольме. Россия принимала в них участие в первый раз за время их существования. Наше участие было неудачно. Главными причинами были неподготовленность и импровизация команд. Так, например: футбольная команда была собрана из лучших игроков всей России, никогда не игравших вместе. Конечно, она была немедленно побита командой, которая играла всегда в постоянном составе. Так же было сделано и с конной группой. Родзянко и Эксе (о Дмитрии Эксе рассказано в моём предыдущем очерке – В. К.) уехали в Лондон с лучшими лошадьми, а генерал Безобразов, поставленный во главе конного спорта, кликнул клич по всей русской коннице. Появились ездоки, которые никогда, даже в России, не принимали участия в такого рода состязаниях. От Офицерской Кавалерийской школы не было ни одного желающего принять участие в их любимом спорте – выездке лошадей.

Учитывая наши силы, на конные состязания пришлось ехать Великому Князю Димитрию Павловичу, Алеку Родзянко, конноартиллеристу Селихову, Руммелю и мне».

Далее Плешков пишет о некоторых любопытных подробностях жизни русских спортсменов во время Олимпийских игр и после их окончания:

«В Большом театре Стокгольма была дана опера для развлечения участников Олимпийских игр. Присутствовали Король и Королева и много высочайших особ других стран. Россию представляли Великий Князь Кирилл Владимирович и Великая Княгиня Виктория Феодоровна. Присутствующие офицеры всех наций были в полных парадных формах. Эдя Шведер и я наслушались много комплиментов от иностранцев за красоту нашей кирасирской формы.

Зала была замечательно красива, но опера, шедшая на шведском языке, с сюжетом из скандинавской мифологии, нами не была понята, музыка никому не понравилась. В ресторане, за ужином, и мы, и англичане, и французы спрашивали с недоумением друг друга, в чём же было дело в этой опере – и никто ответить не мог!

… Почти целый месяц в Стокгольме я жил с милым Эдей Шведером на пароходе «Бирма». Мы помещались в маленькой каюте, где койки были расположены одна над другой. В этом маленьком помещении мы должны были с акробатической ловкостью проделывать переодевание из полной кирасирской формы во фрак и обратно. Это было так же трудно, как переодеваться в

платяном шкапу, и не одному, а вдвоём. Несмотря на это, мы ни разу не сказали друг другу ни одного неприятного слова и сохраняли самое бодрое настроение. В память об этой совместной жизни мы подарили друг другу по маленькому серебряному кубку с надписью «за долготерпение».

В 1909 году Шведер стал полковником, помощником командира полка по строевой части. С этого времени Шведер нанимал квартиру на Люцевской улице, 62, в доме Кокорева.

Вот описание, данное Шведеру в книге «Записки кирасира» В. С. Трубецкого:

«Помощником командира по строевой части был полковник фон Шведер – гроза полка. Это был заядлый спортсмен-кавалерист и умопомрачительно требовательный офицер, нагонявший ужас на нижних чинов и страх на господ офицеров.

…Эдуард Николаевич фон Шведер был среднего роста, сухой, хорошо сложенный мужчина лет сорока с породистым «дворянским» лицом. Чёрные волосы его были зализаны всегда безукоризненным нафиксатуаренным английским пробором. Чёрные щетины его усов были подстрижены с точностью до 0,1 мм. Энергичный выдающийся подбородок был всегда только что выбрит, нижняя губа несколько брюзгливо выпячивалась вперёд. Нос у него был большой, наподобие орлиного, а из-под чёрных бровей выскакивали блестящие темно-карие глаза – злющие, строгие, официальные. Говорил полковник тихим, низким баритоном и чуточку в нос. При одном виде этого всегда подтянутого полковника и самому невольно хотелось подтянуться, и всякий офицер при встрече с ним невольно оглядывал себя.

«Закройте дверь», - строго сказал Эдуард Николаевич , лишь только мы взошли за ним в соседнюю комнату, полковник и нам не предложил сесть, и сам не уселся. Он так холодно и внушительно глянул на нас, что мы – четверо новоиспечённых – невольно выстроились рядком в позах «смирно».

– Господа, – тихо проговорил он. – Кирасирский полк оказал вам великую честь, приняв вас офицерами в свою среду. Вчера вы надели офицерские погоны Кирасирского полка. Я требую от вас, чтобы, где бы вы ни находились, вы ни на минуту не забывали, что у вас на плечах офицерские знаки нашего полка. Эти погоны обязывают вас... Да, эти погоны обязывают всякого, кто имеет честь их носить, к достойным поступкам, порядочности и приличию. Помните, что в глазах общества и света всякий ваш неблаговидный поступок или даже жест будет приписан не столько вашей личности, сколько всему полку, потому что полк, принявший в свою среду офицера, тем самым гарантирует его порядочность и воспитанность. Офицера, не умеющего ограждать своё достоинство и достоинство полка, офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде. Теперь — относительно денежных дел… Я требую от вас в этом вопросе высшей щепетильности. Полк требует от своих офицеров, чтобы они жили прилично, но... если у вас нет для этого средств, постарайтесь сами скорее покинуть полк. Жизнь выше средств, неоплаченные счета, долги и векселя – всё это, в конце концов, приводит офицера к совершению неблаговидных, даже бесчестных поступков. Запомните это и сделайте отсюда сами надлежащие выводы. Это ясно... Но я лично вас предупреждаю: первый же неблаговидный или неприличный поступок, и даю вам честное слово, вам придётся в двадцать четыре часа покинуть полк... Да, господа... полк этого не по-тер-пит и никому не простит, кто бы он ни был и какими бы связями он ни обладал. Я требую от вас соблюдения в полку строжайшей дисциплины на службе, а в собрании оказывать уважение каждому

старшему товарищу, будь он хотя бы только одним выпуском старше вас или даже одного выпуска с вами.

Полковник сделал короткий официальный поклон в знак того, что беседа окончена. Мы брякнули шпорами и поспешно выкатились из комнаты.

Полковник умел произвести впечатление и умел быть пренеприятным. Очень скоро после этой беседы, а именно на первом же созванном общем собрании полковых офицеров, мы убедились, что Эдуард Николаевич ничего не преувеличил и никогда зря языком не болтает».

В Германскую войну Шведер отправился вместе с полком на фронт. В мае 1915 года его сделали командиром 11-го гусарского Изюмского полка. В начале 1917 года он стал генерал-майором, командиром 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии. Заслужил четыре ордена.

Во время Гражданской войны Шведер воевал в составе Добровольческой армии. Расстрелян большевиками в Кисловодске.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ СВЕЧИН (1876 – 1969)

Сын генерала, Михаил, окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. В 1895 году его выпустили корнетом в Гатчинский Кирасирский полк.

Поселился Свечин на Люцевской улице, 42 в доме Радивановского. В 1899 году Михаил был произведён в поручики и направлен в Петербург для учёбы в Николаевскую академию Генерального штаба.

Окончив Академию в 1902 году и став штабс-ротмистром, Свечин возвратился в Гатчину и принял командование над 2-м эскадроном своего полка.

В феврале 1904 года Свечина командировали на театр военных действий на Дальний Восток, в штаб формирующейся Маньчжурской армии.

Довелось Михаилу и принять участие в боевых делах Русско-японской войны. 30 сентября 1904 года в бою у реки Шахе он был контужен. За восстановление связи между двумя армиями получил в награду Золотое оружие.

Михаил Свечин

После Русско-японской войны Михаил Свечин служил в штабе Войск гвардии и Петербургского военного округа.

С началом Германской войны полковник Свечин, назначенный начальником штаба 2-й гвардейской дивизии, отправился на фронт. Вскоре стал командиром 14-го Драгунского Малороссийского полка. 15 июля 1915 года произведён «за боевые отличия» в генерал-майоры и стал командиром родного Гатчинского Кирасирского полка.

Наступил 1917 год. Пережив много приключений, генерал Свечин в конце года оказался в Новочеркасске, в Белой армии. В течение двух следующих лет жизнь Михаила изобиловала таким количеством событий, что их хватило бы для написания целой книги.

В феврале 1920 года Свечин, вместе с женой Ольгой Николаевной (1885 – 1974), урождённой Клунниковой, и сыном Андреем, выехал из Новороссийска в эмиграцию в Турцию.

Через несколько лет, пройдя через множество мытарств в этой стране, а затем в Сербии и Германии, Свечины оказались в Париже, где Михаил получил место в одном из крупных французских банков.

В 1926 году с отделением этого банка Свечин переехал в Ниццу. Там Свечины приняли активное участие в деятельности Российского общевойскового союза и других организаций русской эмиграции. Генерал Свечин в 1962 году издал в Ницце свои мемуары «Записки старого генерала о былом».

60 лет жил в Ницце сын Свечиных – Андрей Михайлович Свечин(1912 – 1996), архитектор, общественный и церковный деятель. Ныне все Свечины упокоились в Ницце на русском кладбище Кокад.

***

Совсем по-иному сложилась судьба брата Михаила Свечина – Александра Андреевича Свечина (1878 – 1938).

Как и брат, встретив Октябрьскую революцию 1917 года генерал-майором, он, в отличие от брата, сразу принял сторону большевиков и пошёл на службу в Красную армию.

Как и многие другие русские офицеры, сделавшие то же самое, вначале был благосклонно принят новой властью, стал начальником Всеросглавштаба, профессором Академии имени Фрунзе и Академии Генерального штаба.

Александр Свечин

Александр много и плодотворно работал в области военной истории, тактики и стратегии. Ему, в частности, принадлежит предвидение всех (!) печальных результатов начального периода войны с фашистской Германией. Однако эти предвидения расходились с тогдашней военной доктриной СССР, а потому не только не были приняты во внимание, но и стали дополнительными доводами обвинения против Александра Свечина.

Его, как и многих других бывших царских офицеров, подвергли в 1930-х репрессиям.

А.А. Свечина расстреляли 29 июля 1938 года. Реабилитировали в 1956 году.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ